

Цена номера 5 копеек.

РЕДАКЦИЯ — Москва, Гверской бул., 25, дом Герцена. Тел 5-30-8.

Прием в секретариате редакции ежедневно от 2 до 4 ч

ИЗДАТЕЛЬСТВО — Акц. Изд. О-во „Огонек“, Москва, 6, Страстной
бульвар, № 11. Телефон 5-51-69.

МОСКОВСКАЯ КОНТОРА — Гверская, 37, (уг. М. Гнездиковского)
Телефон 1-28-19 и 1-28-20.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

с мая до конца года — 1 руб. 30 коп., на 6 мес. — 1 руб. 20 коп.

на 3 мес. — 60 коп

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕССА

№ 28. Понедельник, 28 октября 1929 г.

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей.

Чехов в гриме и Чехов без грима

А. ДЕРМАН. Творческий портрет Чехова. Кооп. изд-во «Мир». М. 1929 г. Стр. 350. Тир. 3.000. Ц. 2 р. 50 коп. + 40 коп. переплет.

В предисловии к своему исследованию о Чехове, Дерман говорит, что для критика, «пользующегося диалектическим методом, нет более драгоценных моментов в творчестве и жизни исследуемого писателя, как те, которые и между собою противоречат и в привычную картину представления о нем вносят противоречие. Потому что, расположенные в правильный ряд, такого рода моменты являются шероховатыми вехами диалектического развития писателя, обнаруживают его борьбу, его рост». Этот нужный и верный метод особенно приложим к Чехову. В самом деле: Чехов вошел в литературу «поставщиком увеселительного чтива для низкопробной прессы», а закончил жизнь «одним из величайших русских писателей, жадно читаемым революционной страной и сейчас, четверть века после смерти».

Что Чехов усиленно теперь читается — факт несомненный и объясняемый, конечно, не только юбилейной полосой: 25 лет со дня смерти, семидесятилетие рождения (в январе 1931 г.), пятидесятилетие появления первого рассказа (февраль 1931 г.). Чехов находит какое-то свое место в современности. Целый ряд критических работ, посвященных Чехову, направлен именно к тому, чтобы доказать пригодность классического наследия, оставленного Чеховым новому — революционному — поколению читателей. Если буржуазная критика усиленно старалась подать Чехова в образе и подобии чеховских же героев, приписывая Чехову лирическую грусть, тоску по идеалам и сладкую мечту о жизни, невообразимо-прекрасной через 200 — 300 лет, если Чехов раскрывался как пессимист, то в наши дни он оценивается как страстный обличитель мещанства, как ненавистник обывательщины, как сатирик, осмеявший пошлость пошлого человека.

Но если Чехов Айхенвальда, Мережковского, Философова, Антона Крайнего, В. Розанова дошел до читателя в некоем «гриме», то нельзя сказать, что Чехов подвергшийся ревизии наших дней, в свою очередь, не стал загроможденным. Когда например, М. Е. Кольцов говорит, что личная биография Чехова безупречна, что она отмечена актуальным интересом Чехова к рабочему движению, то это значит, что аполитичный по существу и до конца дней своих сохранивший весьма наивное представление о политике, — Чехов, скромный культуртрегер, подменен некогда несуществовавшим Чеховым-революционером. Мы боремся против чеховщины. Мы считаем чрезвычайно опасной прививку яда аполитичности. Но мы находим Чехову надлежащее ему место. Мы говорим, что этот большой писатель, великолепно чувствующий «болезнь своего поколения», не знал методов ее лечения. Врач по образованию, он выдвигал «медицинскую», точнее сказать — биологическую точку зрения тогда, когда следовало бы обратиться к концепциям историко-социологическим.

Дерман, тщательно проследившая сложный и трудный процесс освобождения Чехова от «рабской крови», совершенно прав, ставя акцент на противоречиях Чехова. В духовном росте Чехова нет прямых. Сплошь — кривые. Величайшая ошибка, думать, например, что Чехов по личным симпатиям в одну эпоху своей жизни работал в «Новом Времени», а в другую — в «Русской Мысли». Дело не в том, что Чехов любил Суворина, но и в том, что, печатаясь в суворинской газете, Чехов в основе тогдашнего своего мирозерцания был ближе именно к лагерю консервативно-охранительному, чем к либеральному.

Дерман не боится обнажить в чеховской биографии такие моменты, которые вряд ли сыплетельствуют о чуткости Чехова к явлениям общественности. Университетские беспорядки вызваны «еврейчиками», социалисты разбрасывают прокламации, в которых призывают народ избивать врачей на холерной эпидемии. Этим обывательским сплетням Чехов охотно верит. И уже давно отрешившись от нововременцев, давно сдружившись с представителями радикальной публицистики, Чехов все-таки сохраняет обывательское отношение к вопросам «политики». Он убежден, например, в том, что мы «побьем японцев», и что вообще война — незначительное событие. Но вместе с тем, в нем идет упорная борьба за освобождение от авторитета, — авторитета мещанских предрассудков и всяческой традиционности. Процесс этой борьбы Дерманом раскрыт не только на примерах личной биографии Чехова, но и на анализе его творческой работы: недавний постав-

щик «чтива» вырастает в крупнейшего художника.

Впрочем, надо отметить, что в книге Дермана явно нехватает одной главы, целиком посвященной как проблеме литературных влияний на Чехова, так и вопросу о создании новой формы, — формы новеллы. Вопреки традиционным утверждениям чеховской любвиобильности и чеховской нежности к людям, убедительно доказывает «молчание сердца» Чехова, вскрывая ту холодность темперамента, которая самим Чеховым сознательно рытеснялась: в личной биографии — дисциплинированностью, в смысле внимательного отношения к людям, в истории творчества — лиризмом, возникающим, однако, не из глубины «вдохновения», а из упорной лабораторной выработки стиля и ритма. Прав Дерман и тогда, когда говорит, что в основе чеховского мироощущения лежало чувство некоей недоверчивости. Чехов — Фома-неверный. Он все воспринимает эмпирически.

Однако, Дерман, увлеченный своей концепцией, — Чехов освобождается от рабской крови и личным, опытным, эмпирическим путем, отвергнув и опровергнув авторитеты, вырастает в крупнейшего художника, насыщенного социальным оптимизмом, — увлеченный именно этой концепцией, Дерман перегибает палку своих утверждений о безусловной революционности Чехова. Формула Дермана, утверждающая, что подлинно революционными являются те писатели, которые «возбуждают духовный голод в своих читателях», формула вообще слишком расплывчатая для того, чтобы, введя в нее чеховское воздействие на читателя, заряжающегося ненавистью к пошлости и мещанству, доказать, что нет у нас писателя «более революционного, чем Чехов». Диалектический метод здесь оставил Дермана.

Юр. Соболев